

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Калеменова Екатерина Алексеевна

**«ПОВОРОТ К ЧЕЛОВЕКУ» В ПРОЕКТАХ И ПРАКТИКЕ
УРБАНИЗАЦИИ КРАЙНЕГО СЕВЕРА СССР В 1950-1960-Е ГГ.**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

РЕЗЮМЕ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата исторических наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель:
канд. ист. наук, доцент,
Ю.А. Лайус

Москва 2019

Актуальность темы. Освоение северных территорий России шло на протяжении нескольких веков. Однако именно процессы индустриализации и последующей урбанизации, проходившие в XX веке, привели к радикальным изменениям советского Севера и его интеграции в экономическое и социальное пространство страны. Задачи промышленного освоения Севера напрямую были связаны с созданием жилой среды, поскольку в силу экономических и культурных представлений о развитости пространства при каждом предприятии создавалось постоянное поселение.

В то время как геополитические интересы и действия Советского Союза в Арктике традиционно привлекают исследователей, вопросы урбанистического развития северных территорий стали предметом изучения лишь недавно. Исследовательский фокус на урбанизации в данном случае имеет большое значение, поскольку создание городов являлось важнейшим инструментом распространения определенных административных, социальных и культурных моделей, связывая, таким образом, новые освоенные пространства с центром страны. Урбанизация была процессом, через который огромный регион Крайнего Севера материально и символически становился полноценной частью Советского Союза, что напрямую было связано с научными дискуссиями и проектами его будущего обустройства.

Анализ развернувшихся в 1950-е годы дискуссий о необходимости изменения жилой среды на Крайнем Севере отсылает к более широким вопросам социальных изменений периода Оттепели, когда на повестку дня во многих дисциплинах выходит усиленное внимание к условиям жизни человека и попытки их рационального преобразования. Поэтому важно выявить, какие именно акторы влияли на развитие этих процессов, насколько влиятельными они были, в чем состояли причины успехов одних проектов и неудач других и каковы были последствия их реализации.

Поворот в сторону «человеческого измерения» Севера в середине 1950-х годов происходил благодаря активной деятельности различных ученых: специалистов по градостроительству, акклиматизации, экономических географов, социологов и других экспертов, чья деятельность была связана с проблемами создания жилой среды на Крайнем Севере. Рассмотрение не изученных ранее аспектов социальной истории науки и советской архитектурной практики на примере дискуссий по вопросам новых принципов создания более гуманной жилой среды на Крайнем Севере не просто позволяет выявить новых акторов, но и проследить связь между теми организациями, деятельность которых до сих пор не рассматривалась вместе. Изучение научных дискуссий и проектов создания новой среды в северных городах в 1950-1960-е годы позволяет рассмотреть важный для истории науки вопрос взаимоотношения науки, государственной и институциональной политики и профессиональных и личных амбиций исследователей. Раскрытие этого сюжета также вписывается в более широкий контекст изменения политического и социального представления о Крайнем Севере в годы Оттепели, выражением чего можно считать различные модернистские проекты по его обустройству.

Степень изученности темы.

Проблема трансформации принципов освоения и урбанизации Крайнего Севера в 1950-1960-е годы, а также попытки разработки и внедрения особого подхода к проектированию северных городов до сих пор не были в центре научных исторических исследований. Исследуемая тема находится на пересечении нескольких широких контекстов. С одной стороны, эти процессы важно рассматривать в рамках истории освоения советского Крайнего Севера как одного из советских колониционных проектов инкорпорации региона в социальное, экономическое и

символическое пространство¹. С другой стороны, для раскрытия причин изменения принципов организации жилой среды на Крайнем Севере необходимо учитывать новую жилищную политику Н.С. Хрущева, радикально изменившую архитектурные практики и положение архитекторов в СССР и повлиявшую на повседневную городскую культуру и проблематизацию вопросов градостроительства. Помимо этого, для работы важно учитывать изменение роли и значимости экспертного знания в СССР, а также влияние социальных изменений послесталинского периода.

Традиционно внимание исследователей освоения Крайнего Севера обращено на рассмотрение официальной политики СССР в Арктике². Большинство работ зачастую рассматривают процесс освоения Севера односторонне – или только «сверху» или только «снизу», сосредоточивая внимание на правительственных действиях по освоению региона или на реакции населения на эти меры³. Инкорпорация северных пространств в социальную ткань страны при этом описывается как политика «покорения» природы, которая либо рассматривается с позиций экономического

---

¹ Сибирь как колонизационный проект Российской империи рассматривается в работе: Сибирь в составе Российской империи / ред.: *А.И. Миллер и др.* М.: Новое литературное обозрение, 2007.

² *Веретенников Н.П.* Экономическая и историческая ретроспектива Северного морского пути в XIX–XX вв. // Северный морской путь: развитие арктических коммуникаций в глобальной экономике «Арктика-2015»: VI Всероссийская морская научно-практическая конференция: материалы конференции, Мурманск, 13–14 мая 2015 г. Мурманск: Изд-во МГТУ, 2015; *Голдин В.И.* Арктика в международных отношениях и геополитике в XX – начале XXI века: вехи истории и современность // Вестник Поморского университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 22–34; Развитие Арктики и приполярных регионов. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–16 мая 2014 г.). Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2014; *Шелепов А.М.* Арктика. Исторические аспекты освоения и современные проблемы // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2014. № 1. С. 212–219.

³ *Bruno A.* Industrial Life in a Limiting Landscape: An Environmental Interpretation of Stalinist Social Conditions in the Far North // *International Review of Social History.* 2010. № 18 (55). P. 153-174; *Рожанский М.* «Оттепель» на Сибирском морозе. Устная история ударных стро-ек // Отечественные записки. 2012. № 5 (50) С. 184–206.

колониализма, либо встраивается в нарратив, описывающий разрушительные социальные и экологические последствия освоения Севера⁴. Большой пласт литературы посвящен деятельности отдельных ученых и научных институтов по освоению Арктики⁵. При этом, история освоения подается как исследование новых земель и морей, а сюжеты непосредственного обживания освоенных территорий и их социальной и инфраструктурной инкорпорации остаются в стороне. Более того, рассмотрение процесса развития советского Севера через рамку государственных директив (и соответственно, деятельности ученых как воплощения на практике властных инициатив) не позволяет оценить роль экспертов, дискуссий между различными группами и значение их относительно самостоятельных исследовательских и творческих решений, во многом влиявших на практику освоения Крайнего Севера.

Для исследований освоения советского Севера также характерен явный временной дисбаланс: большинство работ, посвященных истории Крайнего Севера, фокусируются в первую очередь на периоде 1930-х годов как наиболее героическом и событийно богатом времени освоения Арктики, рассматривая более поздний период лишь как продолжение принципов,

---

⁴ *Horensma P.* The Soviet Arctic. New York, London: Routledge, 1991; *McCannon J.* Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union. New York and Oxford: Oxford University Press, 1998; *Josephson P.R.* The Conquest of the Russian Arctic. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014 и др.

⁵ *Белов М.И.* Северный морской путь. Л.: Морской транспорт, 1957; История открытия и освоения Северного морского пути: В 4 томах. М.: Морской транспорт, 1956–1969; *Коровин В.П.* История исследования и освоения Арктики. Монография. СПб.: РГГМУ, 2013; *Журавлев П.С., Зарецкая О.В., Подоплекин А.О., Репневский А.В., Тамицкий А.М.* Арктика в системе международного сотрудничества и соперничества. Архангельск: Солти, 2015; *McCannon J.* A History of the Arctic: Nature, Exploration and Exploitation. London: Reaktion Books, 2012; *Pey-Yi Chu* Mapping Permafrost Country: Creating an Environmental Object in the Soviet Union, 1920s–1940s // *Environmental History*. 2015. № 3 (20). P. 396–421.

заложенных на первом этапе⁶. На протяжении XX века неизменным оставалось доминирование задач индустриализации Крайнего Севера, что сказывалось на характере освоения и финансирования разных отраслей. Однако, несмотря на определенные схожие тенденции, принципы освоения советского Севера претерпели серьезные изменения во второй половине XX века. Политические и социальные реформы периода Оттепели, реформа системы Гулаг сформировали запрос на создание новых форм управления и освоения полярного региона, однако содержание и характер этих изменений во многом зависели от конкретных научных институтов и людей, стоявших за их разработкой.

Существует несколько работ, рассматривающих изменение практик управления и социальные трансформации в бывших лагерных северных поселениях, получивших впоследствии статус города⁷. Вопросы изменения жизненной среды в городах Севера иногда рассматриваются в современных антропологических работах, раскрывающих Север и Арктику как мультикультурный и многоэтничный регион⁸. Эти исследования, в первую

---

⁶ Тимошенко А.И., Элерт А.Х. Россия в Арктике: проблемы изучения исторического опыта освоения региона // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 3. (23). С. 5–12; Josephson P.R. *The Conquest of the Russian Arctic*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014; McCannon J. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1998.

⁷ Широков А. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР. 1930–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2016; Barenberg A. *Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta*. New Haven: Yale University Press, 2014; Hardy J.S. *The Gulag after Stalin. Redefining punishment in Khrushchev's Soviet Union*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2016. P. 19–57; Elie M. *Khrushchev's Gulag: the Soviet Penitentiary System after Stalin's death, 1953-1964* // *The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s* / Ed. by D. Kozlov, E. Gilburd. Toronto: Toronto University Press, 2013. P. 109–142.

⁸ Болотова А. Государство, геологи и колонизация природы в СССР, Неприкосновенный запас. 2006. № 2 (46). С. 68–84; Крайний Север: особенности труда и социализации человека – Биография, вахтовый труд и социализация человека в северном индустриальном городе Материалы научно-практической конференции в г. Новый Уренгой, Россия, 4–6 декабря 2008 / под ред. Ф. Штаммлера и Г. Эйльмштейнер-Саксингер. Новый Уренгой, 2010; Bolotova A. *Loving and Conquering Nature: Shifting*

очередь, посвящены современным социальным проблемам Севера, но исторические сюжеты используются в них в большей степени как предыстория существующих ситуаций, а не как самостоятельные проблемы исследования.

В историографии за последние годы сложилось несколько подходов к раскрытию сюжетов, связанных с историей послевоенных советских градостроительных практик и архитектуры. Один путь – это рассмотрение градостроительства как воплощения государственных целей и инициатив⁹. Иной возможный фокус исследований предполагает раскрытие определенных сюжетов через призму развития основных теоретических градостроительных концепций, дискуссий среди специалистов¹⁰. Этот подход, с одной стороны, позволяет преодолеть взгляд на сообщество экспертов как на пассивный монолит. Однако раскрытие проблемы в рамках истории архитектуры иногда может привести к усиленному вниманию только к внутренним профессиональным дискуссиям в ущерб анализу влиявших на них более широких общественных и политических контекстов.

Более перспективным представляется подход, рассматривающий новые подходы к проектированию 1950-х годов через призму взаимодействия

Perceptions of the Environment in the Industrialized Russian North // *Europe-Asia Studies*. 2012. № 4 (64). P. 645–671.

⁹ *Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН, 2008; *Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Хмельницкий Д.С.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: РОССПЭН, 2011; *Коньшева Е.В., Меерович М.Г.* Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М: Ленанд, 2012.

¹⁰ *Косенкова Ю.Л.* Советский город 1940х – первой половины 1950х годов. От творческих поисков к практике строительства. М.: ЛИБРОКОМ, 2008; *Она же.* Долгий путь к городу. К постановке проблемы изучения советского градостроительства 1950 – начала 1980-х годов // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Сер.: Политематическая. 2011. № 3 (17). URL: <http://www.nauka.x-pdf.ru/17politologiya/633666-1-udk-711401-kosenkova-dolgiy-put-gorodu-postanovke-problemi-izucheniya-sovetskogo-gradostroitelstva-1950-h-nachala.php> (дата обращения: 15.01.2018).

властных директив, «внутреннего цеха» экспертов различных уровней, а также агентности обычных жителей. Внимание исследователей все чаще привлекают вопросы, связанные с последствиями «десталинизации» в архитектуре, директивному переходу на типовое строительство после 1954 года¹¹. При этом заметно, что исследователей чаще интересуют те или иные массовые социальные последствия введения типового строительства, сказавшиеся, в первую очередь, на новоселах¹². Однако описанные выше правительственные шаги привели, помимо прочего, к изменению роли самих архитекторов, поскольку это означало вмешательство власти даже в художественные проблемы стилистики в архитектуре. Более того, большинство исторических исследований позднесоветских архитектурных практик построено на материале центральных городов, в то время как влияние «жилищной реформы» Н.С. Хрущева имело различные эффекты в разных регионах, в том числе и на Крайнем Севере.

Историографический обзор показывает, что вопросы новой жилищной политики периода Оттепели и принципов освоения Крайнего Севера редко рассматриваются исследователями вместе. Исследователи освоения и развития арктических территорий СССР зачастую рассматривают этот процесс только «сверху» или «снизу», сосредотачивая внимание на правительственных действиях по освоению региона или на реакции

---

¹¹ *Smith M.B.* Property of Communists: The Urban Housing Program from Stalin to Khrushchev. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010; *Bittner S.* The Many Lives of Khrushchev's Thaw: Experience and Memory in Moscow's Arbat. Ithaca: Cornell University Press, 2008; *Рубль Б.А.* От «хрущоб» к коробкам // Жилище в России: Век XX. Архитектура и социальная история. М.: Три квадрата, 2002. С. 139–153.

¹² *Varga-Harris C.* Homemaking and the Aesthetic and Moral Perimeters of the Soviet Home During the Khrushchev Era // *Journal of Social History*. 2008. № 3 (41). P. 561–589; *Ibid.* Forging citizenship on the home front: reviving the socialist contact and constructing Soviet identity during the Thaw // *The Dilemmas of De-Stalinization. Negotiating cultural and social change in the Khrushchev Era* / Ed. by *P. Jones*. London: Routledge, 2006. P. 101–116; *Harris S.* In Search of 'Ordinary' Russia: Everyday life in the NEP, the Thaw, and the Communal Apartment // *Kritika*. 2005. № 3 (6). P. 583–614.

населения на эти меры. При этом из поля зрения выпадает слой экспертов, во многом влиявших на практику освоения Крайнего Севера. Потому задача данного исследования – раскрыть роль и границы влияния различных специалистов на процесс урбанизации Крайнего Севера в 1950–1960-е годы. Во многом, поворот в сторону «человеческого измерения» Севера происходил благодаря активной деятельности ученых–специалистов по градостроительству, акклиматизации, экономических географов, социологов и других экспертов, чья деятельность была связана с проблемами урбанизации Крайнего Севера. Именно они в своих работах с разных сторон пытались аргументировать необходимость кардинального изменения урбанистической концепции для Крайнего Севера. Поэтому важно выявить, какие именно акторы влияли на развитие этих процессов, насколько влиятельными они были, в чем состояли причины успехов одних проектов и неудач других и каковы были последствия их реализации. Раскрытие этого сюжета вписывается в более широкий контекст изменения политического и социального пространства на Севере в 1950–1960-е гг., выражением чего можно считать различные проекты по его альтернативному обустройству.

Объектом исследования является комплекс документов органов власти и управления, научных трудов, архитектурных проектов, а также источников личного происхождения по вопросам освоения и создания новых индустриальных поселений на Крайнем Севере в 1950-1960-е годы. **Предмет исследования** – дискуссии о новых принципах освоения и урбанистическом развитии советского Крайнего Севера в 1950–1960-е годы, а также практика создания городской среды в новых поселениях на советском Севере в 1950–1960-е годы. Принимая во внимание экспериментальную природу

планирования¹³, его можно концептуально рассматривать не просто как сиюминутное событие, а как процесс, состоящий из обсуждений и определенных действий. Такой фокус позволяет проанализировать создание проектов переустройства арктических городов как результат многоуровневых дискуссий, пересечения различных научных и общественных дискурсов, интерпретаций существующих рамок, благодаря чему уже разработанные планы на разных этапах могли блокироваться, изменяться или воплощаться с потерями. Основной фокус исследования сделан не столько на технических строительных аспектах новых проектов, сколько на изменении концептуальной рамки создания северного города, который в изучаемое время превращается из «придатка» к промышленному предприятию, в один из вариантов полноценной советской жилой среды.

Целью исследования является анализ формирования новой концепции освоения и урбанизации Крайнего Севера СССР, основной упор в которой был сделан не только на индустриальное развитие региона, но и на создание поселений с благоприятными условиями для жизни в условиях арктического климата.

Для раскрытия поставленной проблемы предполагается последовательное решение нескольких **исследовательских задач**:

- выявить причины усиления внимания к проблеме северных поселений со стороны ученых, специалистов и властных инстанций в 1950-е годы;
- проанализировать трансформацию социальной и материальной среды поселений Крайнего Севера после реформы лагерей системы Гулаг;
- определить влияние жилищной реформы Н.С. Хрущева на развитие архитектуры и строительства на Крайнем Севере СССР;

---

¹³ Couperus S., van de Grift L., Lagendijk V. Experimental Spaces: A Decentred Approach to Planning in High Modernity // Journal of Modern European History. 2015. № 4 (13). P. 476–481.

- проанализировать, каким образом в условиях обязательного типового проектирования в 1950-е годы в стенах одного из центральных архитектурных институтов СССР появляются проекты, воплощающие идеи западного модернизма и социального проектирования для Крайнего Севера;

- исследовать роль международной кооперации в сфере исследования и освоения Арктики и Севера и циркуляцию определенных экономических концепций и проектных предложений, связанных с градостроительством;

- проследить, каким образом была налажена коммуникация между экспертами в центре и на местах, в том числе то, как транслировались, переводились и воспринимались модернистские проекты на местах, от кого в конечном итоге зависела практика воплощения проектов;

- проследить на примере нескольких проектов все этапы циркуляции новых принципов проектирования жилой среды на Крайнем Севере, разработанных сотрудниками Ленинградского филиала Академии строительства и архитектуры СССР – от процесса создания до попыток внедрения и оценить их последствия.

Географическими рамками исследования является территория Крайнего Севера СССР. Понятие «Крайний Север» имеет множество определений и географических локализаций, в зависимости от различных профессиональных традиций, когда на первый план при определении границ могут выходить административные, социальные, экономические или климатические факторы¹⁴. При этом, вне зависимости от точных границ, которые неоднократно пересматривались на протяжении XX века, практически половина территории СССР считалась районами Крайнего Севера или приравненными к нему. В контексте данного исследования для

---

¹⁴ *Тараканов М.А.* Эволюция пространственной локализации понятий «Крайний Север» и «Север» в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 28. С. 32–41.

определения географических рамок использовались границы I климатической строительной зоны, выделяемые с середины 1950-х годов по совокупности показателей характера почв и климата, поскольку именно этими границами руководствовались ученые при разработке проектов новых городов¹⁵.

Хронологические рамки исследования. Ряд современных исследований ставит под сомнение четкую границу между сталинским временем и эпохой Оттепели, показывая, что многие процессы, характерные для периода правления Н.С. Хрущева, стали проявляться еще в 1940-е или в начале 1950х годов¹⁶. Эти тенденции справедливы и для развития советского градостроительства, поскольку один из символов Оттепели – типовое массовое жилищное строительство – начало разрабатываться и внедряться еще в довоенное время, хоть и в небольших масштабах¹⁷. Первые исследования и поиск новых подходов к созданию городов на Крайнем Севере также начались еще в 1947 году, когда в Ленинградском филиале Академии Строительства СССР был создан Сектор Севера, просуществовавший несколько лет. Поэтому отправной точкой данного исследования является конец 1940-х годов. Верхняя хронологическая граница - 1968 год, когда было создано и утверждено несколько проектов городов с искусственным или улучшенным микроклиматом для Якутии, что позволяет зафиксировать комплексное изменение отношения к Северу и созданию жилой среды промышленных городов.

---

¹⁵ Римская-Корсакова Т.В. Структура селитебной территории населенных мест Крайнего Севера // Проблемы Севера. 1964. Вып. 10. С. 60–63.

¹⁶ Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism. Oxford: Oxford University Press, 2010; Barenberg A. Gulag town, Company town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. New Haven and London: Yale University Press, 2014.

¹⁷ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М.: ЛИБРОКОМ, 2008.

Проблема и новизна исследования. Проекты изменения принципов освоения советского Крайнего Севера в середине 1950-х – конце 1960-х годов и создания новой жилой среды в северных городах еще никогда не подвергалось анализу в исследовательской литературе. При этом, проекты «особых северных поселений» на Севере, на первый взгляд, нетипичные для своего времени и места предназначения, не являлись простой разновидностью утопической бумажной архитектуры, творчеством ради творчества. Напротив, исследование показывает, что их создание было вызвано рядом общественных изменений 1950-х как в Советском Союзе, так и в более широком международном масштабе. Во многом, поворот в сторону «человеческого измерения» Севера происходил благодаря активной деятельности ученых: специалистов по градостроительству, акклиматизации, экономических географов, социологов и других экспертов, чья деятельность была связана с проблемами урбанизации Крайнего Севера. Именно они с 1950-х годов в своих работах с разных сторон начали аргументировать необходимость кардинального изменения урбанистической концепции Крайнего Севера. Основной фокус данного исследования смещен с макроистории освоения Советского Севера, зачастую конструируемой исключительно через призму государственных директив, на средний уровень – рассмотрение деятельности различных экспертов, для того чтобы выявить и показать роль различных институциональных и индивидуальных акторов и их интересы, оценить степень их влияния и проследить связи между ними. Вместо того, чтобы рассматривать экспертов как прямых исполнителей государственных инициатив, данная работа показывает что они были важнейшими медиаторами между государством, советским обществом и профессиональной средой, осуществляя постоянную связь между государственными задачами, общественным заказом и своими профессиональными амбициями.

Источниковая база исследования состоит из совокупности различного вида неопубликованных и опубликованных источников. При

разработке проблемы большое значение имело выявление и введение в научный оборот архивных материалов, отложившихся в 7 центральных и региональных отечественных архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Центральном государственном архиве научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб), Центральном государственном архиве литературы и искусств Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), Национальном архиве Республики Саха (НАРС), Муниципальном архиве Мирнинского района Республики Саха (МАМРРС).

Для анализа официальной политики в отношении организации и управления городами на Крайнем Севере, оценки ее эффективности и степени осведомленности в центре о ситуации на местах привлекались материалы фонда Бюро ЦК КПСС по РСФСР, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ Ф.556), а также фонда Совета министров РСФСР (Ф.259) и Верховного Совета СССР (ГАРФ Ф. 7523), находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. В этих фондах содержатся многочисленные распоряжения и постановления указанных органов по исследуемому вопросу, переписка с различными министерствами, ведомствами и чиновниками, отчеты о положении с мест.

Для рассмотрения взгляда центральных специалистов на освоение Севера были исследованы материалы Совета по изучению производительных сил СССР (АРАН, Ф. 174), Института экономики АН СССР (АРАН, Ф.1877), а также Комиссии по проблемам Севера при Совете по изучению производительных сил СССР, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ, Ф.339). Именно эта организация занималась вопросами планирования развития территорий страны, потому на примере ее документации (материалов научно-исследовательской деятельности,

документов конференций, экспедиций и т.п.) можно было проследить представления ученых о развитии Севера, их деятельность по продвижению своих проектов. Особую ценность представляет фонд инициатора ее создания и руководителя в 1962-1980 гг. С. В. Славина (РГАЭ, Ф.746), поскольку в нем содержатся его доклады с 1930-х до 1980-х годов, копии переписки с различными советскими и зарубежными учеными, ведомствами и министерствами, материалы экспедиций по советскому и зарубежному Северу.

Для выявления новых концептуальных разработок проектов северных городов основное внимание в работе было сосредоточено на материалах деятельности Ленинградского филиала Академии строительства и архитектуры СССР¹⁸, с 1956 года ставшим главным научно-исследовательским учреждением по разработке вопросов северного градостроительства. В силу высокой степени централизации научно-исследовательской сферы в СССР именно этой организации была поручена разработка новых планировочных принципов на Севере, для чего в нем в 1958 году была создана особая группа Севера. Материалы работы сектора хранятся в Центральном государственном архиве научно-технической документации (Ф.17), а также в Центральном государственном архиве литературы и искусств СПб (Ф. 347).

Помимо этого, были использованы материалы Мирнинского горкома ВЛКСМ, хранящиеся в Национальном архиве Республики Саха (НАРС, Ф. 3051), материалы Мирнинского горкома КПСС (НАРС, Ф.3160) и Совета Министров ЯАССР, связанные с вопросами социального устройства индустриальных городов и строительства в республике Якутия (НАРС, Ф. 974), что позволило проследить возможные связи с центральными

---

¹⁸ С 1964 года преобразован в Ленинградский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования (ЛенЗНИИЭП).

специалистами и рецепцию проектов на локальном уровне. Также использовались документы работы треста Якутпроалмаз в пос. Мирный, Айхал и Удачный, хранящиеся в Муниципальном архиве Мирнинского района Республики Саха (МАМППС, Ф.22) и в архиве ЗАО АК АЛРОСА.

Важнейшей группой **опубликованных источников** явились тексты выступлений ученых и архитекторов, их опубликованные научные статьи, брошюры и сборники, позволяющие реконструировать и проанализировать содержание проектных предложений и их аргументацию. Хронологическое сопоставление подобных нарративов позволяет реконструировать развитие тех или иных идей и научных предложений.

Обсуждение проектов развития и строительства на Крайнем Севере велось в специализированной научной литературе (к примеру, на страницах журналов «Проблемы Севера», сборников «Летопись Севера», «Некоторые вопросы строительства в Восточной Сибири» и др.). Для анализа изменений социальной среды в северных городах после реорганизации системы Гулаг, а также для рассмотрения откликов населения на существующую жилую среду были изучены материалы центральных и местных периодических изданий (газеты «Правда», «Известия», «Заполярная Правда», «Заполярье», «Мирнинский рабочий»).

Для более детального исследования развития советского градостроительства и архитектуры в 1950-е-1960-е годы были изучены материалы различных специализированных периодических изданий: «Архитектура СССР», «Советская архитектура», «Декоративное искусство СССР», «Техническая эстетика». В ряде статей в этих журналах встречается информация об основных тенденциях в архитектуре и дизайне, о зарубежном влиянии на советскую архитектуру, о дискуссиях внутри экспертного сообщества.

Еще одна важная группа опубликованных источников – воспоминания архитекторов и других городских экспертов ¹⁹. Помимо ценных биографических деталей, позволяющих реконструировать профессиональный путь исследователей, они содержат информацию о восприятии архитекторами изменений и своей роли в советской архитектуре в годы Оттепели после внедрения типового проектирования, из чего нередко выводилось объяснение причин перехода в северные исследования для создания экспериментальных проектов. Более того, эта группа источников часто содержит описание поездок специалистов на Крайний Север, что позволило реконструировать состояние материальной и социальной среды полярных поселений.

В ходе проведения исследования также было записано шесть глубинных полу-структурированных интервью с непосредственными участниками или очевидцами изучаемых событий, в первую очередь, с архитекторами Ленфилиала АСА СССР, разрабатывавшими в 1960-е годы проекты городов для Крайнего Севера: В.Г. Танкаяном, А.Г. Раппапортом, Ю.Д. Брусникиным, А.И. Шипковым и К.А. Лыткиным. Также было взято два интервью у детей крупных планировщиков и инженеров: П.В. Римской-Корсаковой и А.А. Петрова. Материалы интервью, при всей их неполноте и субъективности, являются одним из редких источников, проливающих свет на внутренние процессы, происходившие как в среде изучаемого института, так и в советском градостроительстве и архитектуре и исследованиях Севера в целом. Эти материалы позволяют выявить взгляд и аргументацию

---

¹⁹ *Танкаян В.Г.* Архитектурные байки минувшего века. СПб: Знак, 2005; *Belov M.* Children of the stagnation // *Nostalgia for the culture. Contemporary Soviet visionary architecture* / Ed. by *M. Belov, A.G. Rappaport, B. Hatton, C. Cooke.* London: Architectural Association Publications, 1988. P. 6–9.

непосредственных участников²⁰. Именно сопоставление и дополнение информации, полученной из перечисленных выше источников, с анализом интервью позволяет понять сам процесс создания и «продвижения» проектов.

Теоретическая значимость результатов исследования.

Исследовательская проблема, находящаяся в центре диссертации, находится на пересечении нескольких теоретических полей и широких контекстов: изучения политики ресурсного и политического освоения Крайнего Севера как одного из советских колониционных проектов; исследований новой жилищной политики Н.С. Хрущева, радикально изменившей архитектурные практики и положение архитекторов в СССР и повлиявшей на повседневную городскую культуру и проблематизацию вопросов градостроительства, а также исследований по истории советской науки и роли экспертного знания в СССР. Подобное соединение исследовательских перспектив позволило сформулировать новое понимание процесса урбанизации и инкорпорации Крайнего Севера в советское пространство.

Практическая значимость результатов. Результаты исследования были использованы при подготовке и чтении курсов “Socialist Urbanism in Global Context”, прочитанного для бакалавров направления 46.03.01. “История” на департаменте истории Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ в 2016-2017 уч.г. и курса Historical Urban Studies, прочитанного для бакалавров и магистров на департаменте истории Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ в 2017-2018 уч.г. Кроме того, результаты проведенного исследования могут быть использованы при подготовке курсов по истории освоения и развития Арктики, а также для организации выставок, посвященных истории советской архитектуры или освоению советского

---

²⁰ *Портелли А.* Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003. С. 39.

Севера.

Сведения об организации, в которой выполнялось исследование, и научном руководителе. Диссертация выполнена в департаменте истории факультета Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Санкт-Петербургского филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент департамента истории Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Лайус Юлия Александровна.

Апробация результатов исследования. Различные аспекты диссертационного исследования, а также общая концепция работы неоднократно презентовались и обсуждались на аспирантских семинарах, а также на многочисленных российских и международных конференциях на протяжении всего периода работы над темой, в том числе на Международной конференции Ассоциации восточно-европейских и евразийских исследований (ASEEES Annual Convention, Chicago November 2017), на конференции в Германском историческом институте в Москве “Transformations of the Urban. Global Perspectives on the History of Industrial Cities” (апрель 2018), международной конференции «High Altitudes meets High Latitudes: Globalizing Polar Issues» в Швейцарии (Кран-Монтана, 2017), на конференции урбанистов «Urban Studies: the City of the Future» (Москва, 2016), на Круглом Столе в Московском Архитектурном Институте (2017), на конференции Международного общества истории технологий SHOT, конференции Международной научной ассоциации Tensions of Europe (Стокгольм 2015) и др.

Положения выносимые на защиту:

1) В середине 1950-х годов после окончания периода сталинизма и постепенного закрытия исправительно-трудовых лагерей изменяются не только практики управления, но и принципы освоения и заселения Крайнего Севера, что сказалось и на вопросах урбанизации региона: именно с этого времени проблема «рационального» развития территорий и создания поселений с благоприятными условиями для жизни в условиях арктического климата стала центральной для специалистов различных дисциплин, в том числе, экономических географов и архитекторов.

2) Начавшиеся в 1950-е годы масштабные проекты по освоению ресурсов Крайнего Севера СССР привели к серьезным изменениям как социальной среды, так и материального пространства региона: за пару десятилетий возникло несколько сотен городов и рабочих поселков, зачастую, на необжитых ранее территориях и состоящих в основном из приезжего населения. Подобное открытие Крайнего Севера для миграционных потоков, с одной стороны, привело к изменению официальных нарративов о северных промышленных городах: именно с этого времени в советской прессе освоение Севера начали описывать не только через призму его индустриального развития, но в первую очередь, через создание там «нормальной жизни», равноценной более южным регионам. С другой стороны, неудовлетворительные условия жизни в новых городах, а также более широкие изменения периода Оттепели привели к артикуляции требования хороших бытовых условий для населения как в официальном дискурсе, так и среди населения.

3) Новая жилищная политика Н.С. Хрущева, проводимая с 1955 года, изменила не только практику строительства в СССР, но и привела к специализации проектирования по климатическим регионам. Сотрудники появившегося вследствие этого Сектора Севера при Ленинградском филиале Академии строительства и архитектуры СССР впервые стали формулировать

проблему особого подхода к созданию жилой среды на Севере, а также выстраивать новую систему изучения принципов проектирования в регионе.

4) Именно с конца 1950-х годов вследствие социальных и административных изменений в поселениях Крайнего Севера, а также благодаря деятельности различных экспертов и ученых появляется новая концепция советского «северного города», основной упор в которой был сделан не только на индустриальном развитии региона, а на создании поселений с благоприятными условиями для жизни в условиях арктического климата, что, в свою очередь, сказалось на реконцептуализации региона и его ассимиляции в советское пространство.

5) Появление и широкая циркуляция модернистских градостроительных проектов поселений с искусственным микроклиматом, разрабатываемых ленинградскими и позднее якутскими архитекторами свидетельствует о том, что в 1950-60-е годы архитекторы стремились создавать и реализовывать собственные нестандартные проекты, несмотря на современную им практику архитектурного творчества, помещенного в рамки необходимого типового проектирования. Подобным образом ленинградские градостроители и архитекторы выводили проблему создания комфортной жилой среды в северных городах на новый уровень, говоря о необходимости создания иной градостроительной перспективы и изменяя всю концепцию проектирования города на Севере.

СТРУКТУРА РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность исследования и его научная новизна, проанализирована степень изученности темы, сформулированы цель и задачи исследования, определены его хронологические и территориальные рамки, а также дан анализ источниковой базы.

Первая глава посвящена изучению изменения моделей освоения Крайнего Севера в 1950-е годы и их последствий. В **первом параграфе**

«Динамика освоения и развития северных районов СССР в первой половине XX века» рассмотрено формирование политики освоения Крайнего Севера в первой половине XX века. Анализ показывает, что города являлись не только символом покорения суровой природы, но и способом распространения определенных административных практик, инструментом инкорпорации региона в социальное, экономическое, культурное национальное пространство. Это отражалось и в визуальном облике поселений, и в их инфраструктурной организации. В то же время, первая массовая волна создания индустриальных поселений на Крайнем Севере, тесно связанная с разрастанием системы ГУЛАГ, когда параллельно с лагпунктами формировались поселки вольнонаемных, заложила принципы ресурсоцентричной урбанизации советского Крайнего Севера, что отразилось и на формировании материальной среды этих поселений. Этот процесс сложно назвать полноценной урбанизацией если учитывать, что понятие города подразумевает не только административный статус, размеры и характер занятости населения, но и определенные социальные практики и отношения внутри пространства и к этому пространству, а потому – публичность. Во второй половине 1950-х годов наметился существенный перелом в практике освоения полярного региона. С одной стороны, после постепенного закрытия системы Гулаг изменились принципы освоения северных территорий. Отныне сотни новых поселений застраивались без использования труда заключенных, что требовало не только иного управления и заселения этих городов, но и особого внимания к создаваемым в них жилищным условиям. Таким образом, с началом Оттепели в связи с постепенным закрытием системы лагерей Гулага появляется и социальный, и властный «заказ» на усиление научных исследований северного урбанизма.

Во **втором параграфе** “Материальная среда первых северных индустриальных городов” проанализирована практика создания арктических индустриальных городов в 1930–1950-е годы. Рассмотрение политики освоения и заселения советского Крайнего Севера в первой половине XX

века показывает, что формирование жилой среды в Арктике находилось в тесной зависимости от подходов к индустриализации региона. Ориентация на центральные схемы отражалась и в визуальном облике поселений, и в их инфраструктурной организации. В параграфе показано, что новые советские города и их внешний облик рассматривались как символы освоения пространства и инструменты создания и распространения определенной социалистической культуры. В то же время, первая массовая волна создания индустриальных поселений на Крайнем Севере, тесно связанная с разрастанием системы ГУЛАГ, когда параллельно с лагпунктами формировались поселки вольнонаемных, заложила принципы ресурсоцентричной урбанизации советского Крайнего Севера, что отразилось и на формировании материальной среды этих поселений. Вследствие того, что смысл северных городов виделся в их промышленном предназначении, непосредственно жилая среда имела сугубо прикладное значение, и пространство городов Крайнего Севера нередко застраивалось хаотично, без необходимых исследований и без приспособления среды под климатические условия.

В третьем параграфе «Формирование новых принципов и институтов освоения Крайнего Севера в конце 1950х годов» реконструированы и проанализированы институциональные изменения в области управления и изучения советского Севера, происходившие после окончания периода сталинизма, изменения функций ГУСМП и реформирования системы ГУЛАГ. Показано, что после закрытия системы трудовых лагерей исследования организации промышленности и жилой среды в северных районах стали частью публичной науки, что способствовало лучшей координации между научными учреждениями в центре и на Севере, плановыми инстанциями и промышленными ведомствами для выработки схем рационального освоения региона. В середине 1950-х годов в Москве и Ленинграде было создано несколько научных институтов, в обязанности которых входила разработка новых рациональных принципов

экономического развития региона. Создание Комиссии по проблемам Севера при Совете по изучению производительных сил АН СССР в 1954 году свидетельствует о важном институциональном изменении в системе изучения советского Севера. После реформы ГУСМП Комиссия стала первым открытым координационным центром, связывающим разнообразные научные учреждения в центре и на местах, плановые инстанции и промышленные ведомства для выработки новых схем рационального освоения региона без применения принудительного труда. Инициатор ее создания С. В. Славин на своей руководящей должности был ответственным за разработку рациональных и эффективных с экономической точки зрения принципов освоения региона. С 1950-х годов в своих многочисленных работах основной акцент он стал делать не только на экономических, но и на гуманистических принципах: на необходимости создания благоприятной среды для человека на Севере. Он стал описывать Север не просто как богатый ресурсами экономический регион, в котором необходимо развивать промышленность, но и как место работы и проживания тысяч людей, для которых необходимо создавать комфортные условия. После организации Комиссии по проблемам Севера при СОПС вопрос усиления исследований освоения Севера был выведен на новый уровень, что способствовало появлению новых отделов или целых направлений исследования, связанных с мониторингом и организацией жизненной среды в арктических городах. Уже с конца 1950-х годов благодаря развитию различных дисциплин на проблемы северных поселений стали смотреть комплексно: стали появляться не только специальные экономические исследования вопросов эффективного освоения северных территорий, но и изучение «человеческого измерения» новообразованных городов.

Во второй главе «Публичная проблематизация жилых условий в городах Крайнего Севера СССР с середины 1950х годов» рассмотрено, каким образом инициированная и поддерживаемая сверху миграция на Крайний Север с конца 1950-х годов, а также более широкие социальные изменения

«Оттепели» сказались на появлении критики условий жизни в полярных поселениях на примере трех полярных городов – Норильска, Воркуты и Мирного. В **первом параграфе** «Изменение принципов урбанизации Севера СССР во второй половине 1950-х годов и репрезентации северных городов в центральной печати» главы показана выработка новых методов стимулирования добровольной миграции в северную промышленность, а также влияние изменения социального состава приарктических городов на их репрезентацию. Начавшиеся в середине 1950-х годов масштабные проекты по освоению Крайнего Севера СССР привели к серьезным изменениям как социальной среды, так и материального пространства региона: за пару десятилетий возникло несколько сотен городов и рабочих поселков, зачастую, на необжитых ранее территориях с суровыми природными условиями. В результате, в северные города приехали тысячи работников из центральных регионов, не имевших опыта жизни в арктических условиях. С одной стороны, это способствовало интериоризации огромных территорий Севера в пространство советской политики и культуры. С другой стороны, условия жизни в этих поселениях были далеки от комфортных, потому происходившие в годы Оттепели изменения привели к артикуляции требования хороших бытовых условий для населения.

Во **втором параграфе** «Критика жилищных проблем на страницах северных изданий» проанализировано появление критики условий в новых северных городах в периодической печати и архивных материалах. Происходящие перемены в официальной риторике улучшения благосостояния населения, жилищная реформа Н.С. Хрущева, а также изменение социального состава населения северных городов способствовали появлению рефлексии на городские бытовые проблемы на страницах местных изданий уже в середине 1950-х годов. С одной стороны, они не привели к ожидаемому и обещаемому быстрому улучшению условий проживания: каменное строительство сопровождалось в этих городах большими трудностями, поэтому и в 1960-е годы не все население могло

переселиться из палаток и бараков в обещанные квартиры. Однако эти перемены привели к возможности публичного провозглашения населением своих проблем. Они способствовали тому, что у людей начали появляться требования хорошей жизни – комфортного жилья, тепла в квартирах. В отличие от центральных изданий, на страницах местной прессы не нашли широкого отражения картины счастливого переезда в комфортные квартиры, однако открылось пространство для фиксации несоответствия рисуемой в официальной риторике «красивой бытовой жизни» и реальных условий. На протяжении 1950-1960х годов голоса местных жителей все яснее начинают проявляться на страницах локальных и центральных изданий, формируя тем самым запрос на серьезное улучшение городской среды.

Третья глава исследования «Институционализация изучения северного градостроительства в СССР» посвящена анализу создания специальных научно-исследовательских институтов, в ведение которых стали входить вопросы градостроительства на Крайнем Севере. В **первом параграфе** «Становление северного направления в советском градостроительстве» показано постепенное становление северного направления в градостроительстве в конце 1940-х годов, когда первый раз был создан сектор Севера в Ленинградском филиале Академии строительства и архитектуры (1947-1948 гг.). Показано, что в отличие от предыдущих инстанций, осуществляющих строительство на Крайнем Севере, этот Сектор стал первым центром изучения принципов создания и улучшения жилой среды арктических городов. Проанализировано, при каких условиях в конце 1940-х годов был создан центр, в задачи которого впервые вошло исследование принципов планировки населенных мест в городах Севера, благодаря чему в профессиональной среде поднимается не просто вопрос строительства промышленности и зданий на вечной мерзлоте, но и проблема неудовлетворительных условий жизни населения на Крайнем Севере. Показано, что фокус первых исследований, посвященных этой теме, был несколько урезанным, поскольку никак не фигурировали упоминания о

существовании лагеря на этой же территории и ужасные условия содержания заключенных. В первых проектах сотрудников Ленфилиала речь шла только о застройке фактического центра поселения, предназначенного для вольного поселения.

Второй параграф «Десталинизация в советской архитектуре: профессиональные и региональные последствия» посвящен анализу причин и процесса создания нового Сектора градостроительства на Крайнем Севере при Ленинградском филиале Академии строительства и архитектуры СССР в 1956 году. Создание Сектора при Ленинградском филиале АСА СССР явилось одним из не самых очевидных последствий жилищной реформы Хрущева, провозгласившей «борьбу с излишествами» в советской архитектурной практике и вводившей обязательное типовое проектирование. Для унификации принципов индустриального строительства в 1955 году была начата широкомасштабная разработка «Правил и норм проектировки и застройки городов СССР». Архивные материалы показывают, что в процессе подготовки «Правил и норм...» Крайний Север был выделен как единственный регион, для которого было поручено составление отдельного свода правил в 1956 году. Для выполнения этого в Ленинградском филиале АСА СССР и был создан отдельный Сектор Севера, состоящий в основном из молодых сотрудников академии и возглавляемый Б.В. Муравьевым. Статус принадлежности к филиалу Академии строительства и архитектуры означал то, что его сотрудники должны были заниматься научным исследованием проблем архитектуры и строительства на Крайнем Севере для того, чтобы давать практические советы другим проектным организациям. Принципы работы сектора во многом шли по разработанной схеме: изучение существующей технической литературы, командировки в северные промышленные поселения для обследования прежнего опыта застройки и ее современного состояния, установления научных связей с местными специалистами. Научный характер деятельности Сектора Севера создавал возможность большей свободы проектирования, а также формально означал

то, что его разработки должны были использоваться другими институтами как образцы для внедрения в практику.

На основе анализа интервью, воспоминаний и архивных материалов о работе института показано, что деятельность Сектора Севера была привлекательна для многих молодых архитекторов, поскольку воспринималась как неизведанная зона, как направление, из-за своей новизны находящееся не в таких жестких рамках, как остальные сферы архитектурной практики, потому дающее чуть большую свободу от советского типового проектирования. Более того, в этом восприятии была большая заслуга не только новизны «северного» направления архитектурной практики, но и самой территории Крайнего Севера. Материалы интервью с сотрудниками Сектора Севера свидетельствуют о том, что первое знакомство с арктическими условиями через поездки оказывало сильное впечатление на приезжающих специалистов из центральных благоустроенных городов: именно после него многие приходили к мысли о необходимости радикальных изменений в строительстве этих городов. Влияние «гуманистического» аргумента можно проследить не только в заявлениях, но и на уровне конкретных разработок и предложений: требования особых норм инсоляции, особой организации полноценного комплекса обслуживания даже в маленьких поселениях, специальных конструктивных устройств для улучшения микроклимата.

В четвертой главе «Разработка новых принципов создания жилой среды в северных городах в годы Оттепели» особое внимание уделено тому, какие интересы и интенции стояли за появлением этих проектных предложений, как эти проекты вписываются или выпадают из общей практики проектирования и строительства в СССР в 1950-1960-е годы. Практически во всех проектах и схемах, разработанных сотрудниками Сектора Севера Ленфилиала (с 1964 года - ЛенЗНИИЭПа), прослеживались базовые принципы северного градостроительства, сформулированные еще в

конце 1950-х годов: сокращение площади застройки путем увеличения высотности зданий, максимальное совмещение в одном здании нескольких учреждений, создание ветро- и снегозащитных ограждений и т.д. Анализ публикаций сотрудников Ленфилиала с 1950-х до конца 1960-х годов позволил выяснить, что в середине 1960-х происходит важный поворот в исследованиях арктической городской среды. С этого времени под воздействием развития социологических исследований в СССР, а также благодаря бурному росту численности населения в северных городах и его постепенного «закрепления» внимание ленинградских специалистов переходит с вопросов архитектуры и планировки на проблемы регулирования социальной жизни в этих городах.

С одной стороны, в этих проектах очевидно влияние западноевропейского модернизма как на используемые формы, так и на предлагаемые авторами принципы социального функционирования поселений, что наиболее ярко прослеживается в многочисленных проектах строительства поселений с искусственным микроклиматом. В то же время, при обосновании проектов авторы обращали внимание исключительно на функциональные особенности предложений, а не на эстетические формы, пытаясь доказать их рациональность и экономическую выгоду.

Показано, каким образом происходило обсуждение различных проектов создания комфортной среды в северных городах в профессиональной среде центральных и местных архитекторов, каким образом происходили дискуссии о модернистских проектах и их утверждение в Госстрое СССР и Госгражданстрое РСФСР. Подобные модернистские проекты были удобны для властных институций: они часто обсуждались в центральной и местной печати в позитивном ключе, архитекторы получали за них главные премии на Всесоюзных конкурсах, проект для о.Диксон даже экспонировался на Всемирной выставке в Монреале в 1967 году. Тот факт, что именно подобные проекты получали

главные премии, свидетельствовал об условной их поддержке и одобрении вышестоящими инстанциями, что, в свою очередь, создавало ощущение возможности внедрения экспериментальных проектов в реальности. В то же время, система организации строительства и архитектуры на Крайнем Севере, с одной стороны, предоставляла определенное пространство, в рамках которого архитекторы могли создавать нетиповые проекты, пытаясь говорить на одном языке с модернизмом. Но с другой стороны, сложно положительно оценить эффективность этой системы в годы Оттепели, поскольку в силу многоуровневой бюрократической системы, а также отсутствия архитектурного надзора за строительством за рамки проектов новые предложения выходили редко.

В заключении подводятся общие итоги исследования, систематизируются причины появления новых принципов изучения, освоения и урбанистического развития Крайнего Севера в середине 1950-х – 1960-х годах, влияние изменения социальной среды в северных городах на появление кардинально новых проектов создания жилой среды на советском Севере.

Начавшиеся в 1950-е годы масштабные проекты по освоению Крайнего Севера СССР привели к серьезным изменениям как социальной среды, так и материального пространства региона: за пару десятилетий возникло несколько сот городов и рабочих поселков, зачастую, на необжитых ранее территориях с суровыми природными условиями, и состоящих в основном из приезжего из разных районов населения. Все это способствовало интериоризации огромных территорий Севера в пространство советской политики и культуры. При этом, с одной стороны, условия жизни в тех поселениях были далеки от «нормальных», но с другой стороны, происходившие в годы Оттепели изменения привели к артикуляции требования «хороших бытовых условий для населения» как в официальном дискурсе, так и среди населения.

Анализ трансформации принципов урбанизации советского Севера в 1950-1960-е годы показывает, что под воздействием постепенного закрытия трудовых лагерей, а также вследствие жилищной реформы Н.С. Хрущева изменяются не только методы освоения и заселения новых северных территорий, но и вся концепция советского Севера. В результате критического анализа источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, показана прямая зависимость процесса дискурсивной и практической инкорпорации Крайнего Севера в советское пространство от разрабатываемых и внедряемых урбанистических моделей, включавших себя не просто технические характеристики строительства, но и представления о должном социальном устройстве северных городов.

Изучение модернистских архитектурных проектов и практики урбанизации Крайнего Севера в 1950-1960-е годы позволяет проследить роль и границы влиятельности различных специалистов на процесс урбанизации Севера, а также выявить, какие идеи и интересы стояли за создаваемыми проектами, в чем состояли причины успехов одних и неудач других. Смена модели урбанистического развития Крайнего Севера была не столько директивно или институционально обусловлена, сколько проходила благодаря активной деятельности архитекторов, специалистов по акклиматизации, экономических географов, социологов и других экспертов, чья деятельность была связана с вопросами освоения новых территорий. Именно они с середины 1950-х годов начали аргументировать необходимость кардинального изменения урбанистической концепции и создание особого типа северных поселений. В силу высокой степени централизации советской науки главные учреждения, занимавшиеся этими вопросами, находились в Ленинграде. Иными словами, ответственными за строительство новых арктических городов стали специалисты, находящиеся в тысячах километров от мест проектирования, что также влияло на характер предлагаемых изменений. Одним из результатов подобной ситуации стало создание ленинградскими архитекторами проектов поселений с

«искусственным микроклиматом» (жилых комплексов, в которых все дома соединены крытыми галереями, городов под стеклянным куполом и др.), и попытки аргументировать, что эти модернистские проекты – универсальное решение проблем создания комфортной среды в Арктике для каждого человека.

С одной стороны, Сектор Севера был создан для того, чтобы разрабатывать теоретические подходы к строительству и архитектуре в практически неисследованной зоне, то есть выполнять задачу научного изучения местных условий и выработки оптимальных предложений в области строительства в сложных условиях Севера. Предполагалось, что его деятельность поможет обеспечить декларируемое идеологами в годы Оттепели «улучшение благосостояния советских жителей». Если задать вопрос, насколько результативным было подобное разделение научной разработки проблемы и практики рутинного создания генпланов в жестких рамках типового строительства, то ответ на него будет скорее отрицательным. Однако если сформулировать его иначе и поставить вопрос о последствиях подобного разделения, то картина получится намного более сложной.

Более того, даже властными инстанциями нередко различные модернистские проекты поддерживались на уровне допустимой свободы: в то время, как самим архитекторам они позволяли говорить на одном языке с западными коллегами, властным инстанциям они были также важны как возможность полноценной публичной дискуссии с западными странами о преимуществах системы, заботящейся о населении. Во многом, именно поэтому для объяснения деталей подобных проектов нередко обеими сторонами использовались не эстетические вопросы, а аргументы рациональности и функциональности. Сами архитекторы не были ответственны за практическую реализацию проектов, что тоже в определенном смысле давало чуть большую свободу. Однако в силу

различных бюрократических и экономических факторов дальше этих условно разрешимых границ выйти было крайне сложно, поэтому несмотря на активное научное изучение проблем градостроительства на Севере, практика менялась крайне медленно. В то же время, подобные проекты, а также развернувшиеся вокруг них дискуссии способствовали изменению восприятия и практик развития жилой среды в советских городах на Крайнем Севере показывают, каким образом в эти годы происходит изменение принципов освоения и восприятия региона. Вне зависимости от того, что наиболее радикальные проекты переустройства городов воплощены не были, основные принципы, разработанные в эти годы, стали обязательной практикой планировки на Севере. Вместо того, чтобы рассматривать работу специалистов как историю успеха или историю поражения высокомодернистского планирования, данное исследование показывает, что через действия экспертов можно проследить реконцептуализацию Крайнего Севера, благодаря чему он стал описываться не просто как богатый ресурсами регион, в котором необходимо развивать промышленность, но и как место работы и проживания тысяч людей, для которых необходимо создавать комфортные условия.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

Работы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования:

1. Калеменева Е.А. Советская политика освоения Крайнего Севера и критика жизненных условий арктических городов в нарративах хрущевского времени // Quaestio Rossica. 2017. № 1 (5). С. 153–170.2.

2. Kalemeneva E. Arctic Modernism: New urbanization models for the Soviet Far North // *Competing Arctic Futures. Voices, resources, governance* / Ed. by N. Worms. London: Palgrave, 2018. P. 213-242.

3. Kalemeneva E., Lajus J. Soviet Female Experts in the Polar Region // *Palgrave Handbook on Women and Gender in Twentieth-Century Russia* / Ed. by M. Ilic. London: Palgrave, 2018. P. 265-282.

4. Калеменева Е.А. Смена моделей освоения советского Севера в 1950-е гг. Случай Комиссии по проблемам Севера // *Сибирские исторические исследования*. 2018. № 2. С. 181-200.

Работы, опубликованные в других научных изданиях:

5. Калеменева Е.А. Северный климат как «враг» и как ресурс в советских урбанистических проектах арктических городов 1940-х гг. // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2017. № 6 (51). С. 89-95.

6. Калеменева Е.А. Разработка нового типа поселений на Крайнем Севере СССР в 1960-е годы // *Наука, образование и экспериментальное проектирование. Тезисы докладов международной научно-практической конференции, профессорско-преподавательского состава, молодых ученых, 3–7 апреля 2017 г. Т. 2. М.: МАРХИ, 2017. С. 428-430.*

7. Калеменева Е.А. Город под куполом: советские архитекторы и освоение советской Арктики в 1950-1960 годы // *Bulletin des Deutsches Historisches Institut Moskau*. 2013. № 7. С. 93-108.

8. Калеменева Е.А. Земля будущего: проекты городов под куполом для Крайнего Севера СССР в 1960-е годы // *Конструируя «Советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности*. СПб.: Издательство ЕУ СПб, 2012. С. 65-72.

Публикации в печати:

9. Kalemeneva E. From New Socialist cities to Thaw Experimentation in Arctic townscapes: Leningrad architects attempt to modernise the Soviet North // Europe-Asia Studies.